

Изумрудные глаза открылись. Они принадлежали мудрому молодому человеку. Глаза, которые излучали суровость, пошедшую не только в его отца, но и, возможно, его собственной личности, а также добротой и одиночеством, смотрели на куклу. Скорее на девушку, которая была похожа на куклу. В углах его поля зрения была фигура его старшего брата, который вырос так же, как и сам Гилберт.

Убранство комнаты было заполнено дорогостоящими, изысканными декоративными элементами. Однако факт того, что высокое качество украшений было критерием, чтобы решить, кто мог позволить себе остаться в этом месте, был смехотворным.

Все было вверх дном. Комната стала сценой одновременного убийства пяти человек. Виновником была запятнанная кровью девушка. Даже с ее одеждой и запахом крови, ее красота не пострадала от этого. Она была самой красивой убийцей в мире.

«Эй, ты возьмешь это, верно, Гилберт?», надев дружелюбную улыбку, его старший брат толкнул спину девушки.

Она сделала шаг в сторону Гилберта. Гилберт автоматически сделал шаг назад. Его тело рефлекторно двигалось в отказе и страхе. Она приводила его в ужас.

— Не смотри на меня.

Его брат неустанно настаивал, что девушка перед ним была «инструментом», и решительно передал её ему. Действительно, к ней относились и использовали как инструмент.

Тем не менее, ее дыхание все еще было тяжелым.

Пока он вытирал ее руку, липкую от крови и жира своей запонкой, она смотрела на него, как будто спрашивая, какой будет следующая команда.

— Почему ты смотришь на меня?

В некоторой степени, он разделял бесчеловечные высказывания своего старшего брата. Пирамидальная иерархия существовала не только в их доме, но и в обществе. Для того, чтобы дети, находившиеся в самом низу, поднялись на ее вершину, требовались приложить усилия. И не только собственными силами. Чтобы жить, чтобы быть успешным в жизни, необходимо было использовать различные средства. Это не было чем-то, что можно было бы похвалить, но это было то, чего желал Гилберт. Несомненно, если бы он научился правильно использовать ее, она могла бы стать лучшим щитом и мечом.

— Почему ты... смотришь на меня?

Автоматизированная кукла-убийца тоже желала идти за Гилбертом. В конце концов, все пошло так, как планировал его брат, и молодой Гилберт, у которого все еще были черты, которые можно было считать чертами юности, стоял посреди улицы в центре города. Его глаза таинственного оттенка смотрели на одну из его рук. Кукла, завернутая в его пиджак, не пахла чем-то сладким, вместо этого она была окутана запахом крови, в которой она только что купалась. Если бы у нее были черты, похожие на монстров, это было бы ожидаемо, но ее внешность была похожа на эльфа из какой-то сказки.

«Я ... боюсь тебя.»

Девушка не отреагировала на честные слова, которые просочились из его губ. Ее голубые

глаза просто смотрели на него.

«Я... я боюсь... использовать тебя», - продолжил Гилберт, крепко обнимая ее. «Ты ужасна. Прямо сейчас, на самом деле ... возможно, я действительно должен был убить тебя.». Мучительно бормоча, он никогда не отпускал девушку. Он также не пытался уронить ее и оставить на дороге, выстрелить ей в голову из пистолета или сжать ее тонкую шею руками. «Но... я хочу, чтобы ты жила». Он держался за нее, несмотря на свои страхи. Его слова были искренними. «Я хочу, чтобы ты жила».

Это была правда, которая слабо сияла в жестоком мире. Проблема заключалась в том, смогут ли они вынести его суровую реальность. Мог ли он это сделать?

Не зная, Гилберт закрыл глаза. Он молился об идеалистической мысли, что было бы замечательно, если бы все было решено, как только он снова открыл бы их.

Изумрудные глаза открылись. Перед ними развернулась ситуация в разы хуже, чем во время его мольбы. Девушка приступила к убийствам недвижимых мужчин, шлепая дубинкой по головам. Она ударит их. Кровь полетит. Крики будут расти. Она ударит их. Тот, кто приказал это, был сам Гилберт.

В этом пространстве теряется что-то, кроме жизни. Насилие дала жизнь чему-то вместо рассуждений, совести и других ценностей, которым кто-то дал имена. Это было...

— Сомнения. Это не для справедливости. Ради нее, ради меня и этой страны ... вот для чего это было. В Гилберте проснулось некое удовольствие, на фоне достаточного чувства вины, чтобы заставить его хотеть рвать, наряду с жаждой завоевания, от того, что он получил в свои руки подавляющую силу - которая была девушкой, слушавшая только его приказы, - и чувство превосходства, как будто он захватил мир. Обосновывая сопровождением ее в свободную, выданную для неё комнату, он временно извинился и сбежал из круга старших офицеров, приходящих задавать вопросы относительно девушки. Ступая по луже крови, убитых ею людей, он направился к ней.

Как будто она заставляла истекать кровью все, чего она касалась. Это кровь ее жертв. Но никогда не её. И все же, ее нынешний образ, казалось, был копией того, что Гилберт, вероятно, когда-нибудь снова увидит, полностью покрытой кровью. Это было то, что он пытался сделать.

Чувства, которые внезапно возникли в нем, погасли, как гаснет свеча. Ее дыхание снова стало тяжелым.

— Ничто не поможет. Ничто не поможет. Сказал себе Гилберт.

Действительно, это было решение, с которым ничего не поделаешь. Ничего не поделаешь, так как он ожидал, что захочет сохранить приобретенное им пугающее оружие, обладающее осознанностью. Он боялся, что она причинит вред другим. В таких обстоятельствах было бы лучше использовать ее, поддерживая ее в пределах досягаемости, и сам "инструмент" желал того же.

— Нельзя помочь... чтобы мы... были вместе. Чтобы она осталась в живых.

Даже так, изнанка его глаз болела точно так же, как когда он смотрел прямо на Солнце.

Гилберт отвел девушку в пустынный коридор.

Она была инструментом. Не его дочь или младшая сестра. Она была кем-то, кто скорее стал его подчиненным. Было бы неприятно, если бы другие люди воспринимали их особые отношения по другому. Если они не будут держаться на расстоянии, они не смогут жить бок о бок.

— Все еще...

Он заставил ее ходить, ходить и ходить. Когда больше никого не было видно, он обернулся и протянул руку к ней.

"Подойди."

Он не мог сдерживаться. Тот факт, что его форма будет запачкана кровью и не приходил в его голову. Он должен был обнять ее в тот самый момент, машинально двигаясь, чтобы обнять ее. Когда они впервые встретились и когда он взял её с собой, он сделал также.

У девушки была такая же реакция. Она взволнованно дрожала, но, в отличие от других времен, ее крошечные пальцы сжимали его униформу - твердо, словно говоря, что она не отпустит.

Она была живым существом, с температурой и весом. Когда его сестры были младенцами, он часто носил и успокаивал их. Чувство тех дней пересекалось. Она была мягкой, как будто она могла сломаться, до такой степени, чтобы заставить Гилберта поверить, что он должен защитить ее несмотря ни на что. Она уместилась в его руки лучше, чем он думал вначале.

Его лицо, искаженное крайней печалью, отражалось в ее голубых глазах. Гилберт с горечью прошептал: «Ты действительно хочешь... такого господина?»

Он не мог прямо столкнуться с чрезмерно невинным сиянием глаз девушки и закрыл свои глаза, как будто хотел убежать.

<http://tl.rulate.ru/book/4767/738197>